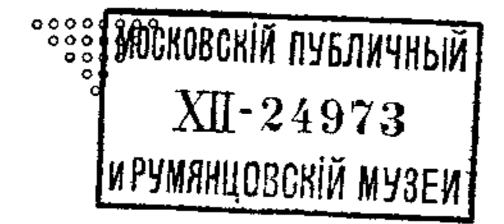
И. Н. Божеряновъ.

ТРИ ПЕРВЫЕ ЦАРЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ,

всѣ вступившіе на престолъ,
имѣя не болѣе 16-ти лѣтъ
отъ роду.

Текстъ иллюстрированъ
50 рисунками.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва — 1912.

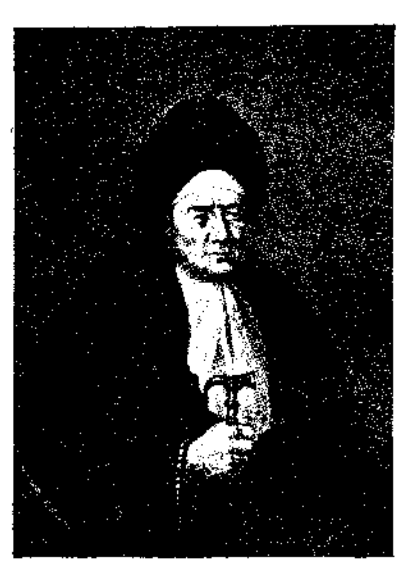

Михаилъ Θеодоровичъ.

Послѣ своего избранія на царство, Михаилъ Θеодоровичъ изъ Костромы отправился съ матерью въ Ярославль, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ, и 16 апрѣля двинулся къ Москвѣ, куда прибылъ 2 мая.

Прежде, чѣмъ пріѣхать въ Москву, Михаилъ писалъ боярамъ, чтобы они приказали приготовить для него золотую палату царицы Ирины, а для матери его—деревянныя хоромы жены царя Василія Ивановича Шуйскаго. Но бояре отвѣчали, что приготовили для царя комнаты государя Ивана да Грановитую палату, а для матери его—хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила царица Марθа; «тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ, приготовить нельзя: денегъ въ казнѣ нѣтъ, плотниковъ мало, палаты и хоромы всѣ безъ кровли; мостовъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ — надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть».

Такой отвѣтъ не удовлетворилъ Михаила Θеодоровича, и онъ въ концѣ апрѣля писалъ: «по прежнему и этому нашему указу, велите устроить намъ золотую палату царицы Ирины, а матери нашей — хоромы царицы Маріи; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василія. Вы писали намъ, что для матери нашей приготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, но въ этихъ хоромахъ жить матери нашей не годится».

Инокиня Марθа, мать царя Михаила Θеодоровича.

11 іюля происходило въ Москвѣ коронованіе на царство Михаила Θеодоровича, который повелѣлъ «для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣста». Этотъ приказъ записали въ указы при всѣхъ разрядахъ, но сейчасъ же явились челобитныя. Когда дьякъ Петръ Третьяковъ объявилъ порядокъ торжества, что бояринъ князь Мстиславскій будетъ осыпать государя золотыми деньгами, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ—держать шапку Мономаха, бояринъ князь Дмитрій Тимоθеевичъ Трубецкой—скипетръ, новый бояринъ князь Пожарскій—яблоко, т.-е. державу; тотчасъ же Трубецкой билъ челомъ на Романова, что ему меньше Романова быть невмѣстно. Тогда царь сказалъ Трубецкому: «извѣстно твое отечество передъ Иваномъ, можно ему быть тебя меньше, но теперь быть тебѣ его меньше, потому что мнѣ Иванъ Никитичъ по родству дядя; быть вамъ безъ мѣстъ». Только такимъ образомъ дѣло уладилось, и Михаилъ Θеодоровичъ пошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ казанскій митрополитъ

Посольство передъ стѣнами Ипатьевскаго монастыря бьетъ челомъ избранному царю и его матери.

(Съ старинкаго рисунка).

Ефремъ вѣнчалъ его царскимъ вѣнцомъ. На слѣдующій день, 12 іюля, народный герой Кузьма Мининъ былъ пожалованъ въ думные дворяне.

Новые дворяне не желали поступаться своими заслугами, и та эпоха была обильна мѣстническими дрязгами. Даже князь Д. М. Пожарскій, спасшій государство отъ поляковъ и воровъ-казаковъ, испыталъ на себѣ всю тяжесть мѣстничества. Когда Пожарскаго учли передъ Б. Салтыковымъ онъ не возражалъ, но царскаго указа и боярскаго приговора не послушалъ. Тогда Салтыковъ вчинилъ противъ него искъ о без-

честіи и князь Пожарскій «отосланъ былъ головою» къ ничтожному, но родовитому своему сопернику, подвергнувшись унизительному обряду позорнаго проведенія пѣшкомъ подъ руки, подъ конвоемъ, отъ царскаго двора до крыльца Салтыкова. Татищева же, бив-

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича.
Карт. *Угрюмова* въ музеѣ Императора Александра III.

шаго челомъ на князя Пожарскаго не въ свою мѣру, высѣкли кнутомъ и отослали къ князю тоже «головою». Эти споры кончились лишь въ 1682 г., когда отмѣнено было мѣстничество.

Въ первыя пять лѣтъ царствованія Михаила всѣ дѣла вершились роднею Романовыхъ — Салтыковыми,

Черкасскими, Сицкими, Лыковыми, Шереметевыми. Политическая жизнь направлялась правительствомъ, составъ котораго доселѣ точно неизвѣстенъ. Земскій же Соборъ до пріѣзда въ Москву Михаила Ѳеодоровича распоряжался въ государствѣ всѣмъ. Но въ переговорахъ съ нимъ царя, точнѣе его руководителей, звучитъ повелительный тонъ: «учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣньемъ, выбрали насъ, государя, всѣмъ государствомъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею, обѣщались служить и прямить намъ и быть въ соединеніи, а теперь вездѣ грабежи и убійства, разные непорядки, о которыхъ намъ докучаютъ; такъ вы эти докуки отъ насъ отведите и все приведите въ порядокъ».

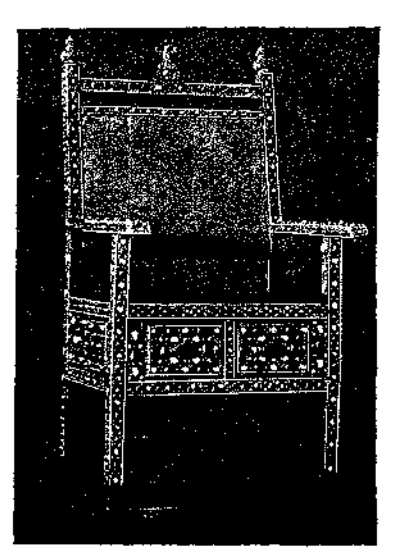
Патріархъ Филаретъ.

Прибывъ въ Москву, выборные земскіе люди не были Михаиломъ отпущены, но оставались въ Москвѣ до 1615 г., когда ихъ замѣнили новые. Такъ дѣло шло до 1622 года: одинъ составъ собора смѣнялся другимъ, т.-е. въ теченіе 10 лѣтъ Москва имѣла постоянный Земскій Соборъ, а послѣ хотя соборы бывали часто, но болѣе постоянныхъ не было.

Иноземцы, бывшіе въ Московіи вскорѣ послѣ воцаренія Михаила, рисуютъ страшную картину опустѣвшихъ и сожженныхъ селъ и деревень съ покинутыми избами, которыя были еще полны не убранныхъ труповъ. Смрадъ заставлялъ путниковъ ночевать на морозѣ. Казаки продолжали грабить даже подъ Москвой, а Заруцкій, захвативъ съ собою Марину Мнишекъ, сперва грабилъ русскія области, а затѣмъ ушелъ въ Астрахань. Война съ Польшей продолжалась, и Ли-

совскій, за которымъ безуспѣшно гнались русскіе отряды, кружилъ по всей московской землѣ, опустошая ее.

Московское правительство, изыскивая деньги для содержанія ратныхъ людей, рѣшило собрать недоимки и просить у кого можно взаймы. Одна грамота отъ царя, а другая отъ Собора были посланы къ Строгановымъ, которые прислали крупную для того времени сумму въ 3.000 руб. Затѣмъ, годъ спустя Соборъ постановилъ сборъ пятой деньги съ каждаго имущества по городамъ, а съ уѣздовъ по 120 руб. съ сохи. По разверсткѣ, Строгановымъ приходилось уплатить 16.000 руб., но на нихъ наложили 40.000 руб., и Михаилъ Ѳеодоровичъ просилъ ихъ *«не пожалѣть животовъ своихъ»*.

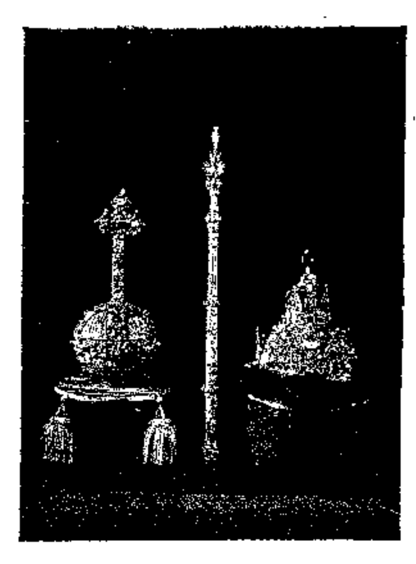

Тронъ Михаила Ѳеодоровича.

Особенное вниманіе правительства было обращено на Заруцкаго, засѣвшаго въ Астрахани, котораго, наконецъ, стрѣльцы взяли въ плѣнъ съ Мариной Мнишекъ и съ сыномъ. Привезенный въ Москву, Заруцкій съ сыномъ Марины были казнены, а сама Марина умерла въ тюрьмѣ. Чтобы покончить съ казачьими шайками на сѣверѣ, Земскій Соборъ, 1 сентября 1614 года, рѣшилъ послать къ нимъ для увѣщанія архіепископа Герасима и князя Дьякова. Шайка атамана Баловня, особенно буйствовавша япослѣ переговоровъ съ Лыковымъ, рѣшила итти къ Москвѣ и, придя по Троицкой дорогѣ къ с. Ростокину, послала къ царю бить челомъ, желая ему служить. Когда же стали переписывать казаковъ, послѣдніе взбунтовались и стали грозить Москвѣ, изъ которой вышелъ отрядъ войска окольничаго

Измайлова и напалъ на казаковъ, которые разбѣжались. Баловня казнили, а изловленныхъ его товарищей разослали по тюрьмамъ.

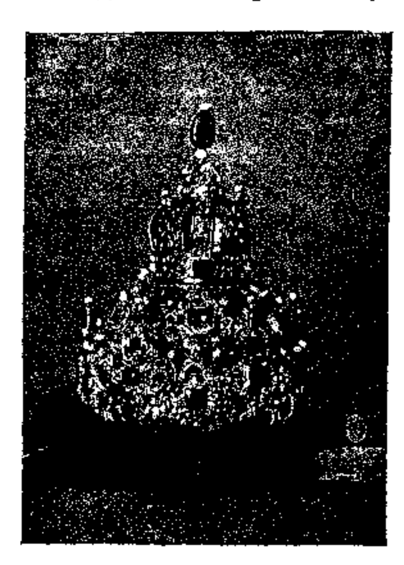
Между тѣмъ русское войско, отправленное противъ шведовъ, потерпѣло пораженіе отъ Делагарди подъ Бронницами, и знаменитый шведскій король Густавъ Адольфъ осадилъ Псковъ, который, однако, оказалъ мужественное сопротивленіе, и Густавъ принужденъ былъ отступить. Начались мирные переговоры, посредникомъ въ которыхъ былъ англичанинъ Джонъ Мерикъ, надѣявшійся пріобрѣсти для своего государства торговыя льготы. Со шведами въ февралѣ 1617 г. былъ заключенъ Столбовскій миръ, въ силу котораго шведскій королевичъ Филиппъ отказывался отъ московской короны, и Густавъ уступилъ русскимъ всѣ свои завоеванія, включая и Новгородъ, взявъ 20.000 руб. и оставивъ за собою южный берегъ Финскаго залива съ Невой и городами: Ямомъ, Иванъ-городомъ, Копорьемъ и Орѣшкомъ (Шлиссельбургъ).

Корона, держава и скипетръ Михаила Θеодоровича.

Лѣтомъ 1617 г. возобновилась война съ поляками, хотя еще въ мартѣ 1613 г. изъ Москвы для размѣна плѣнныхъ (въ числѣ которыхъ находился Филаретъ Никитичъ — отецъ Михаила Θеодоровича) Земскимъ Соборомъ былъ посланъ дворянинъ Аладьинъ, которому было запрещено говорить объ избраніи Михаила, почему подпись царя стояла на грамотѣ на четырнадцатомъ мѣстѣ. Аладьинъ видѣлся съ Филаретомъ, отъ котораго узналъ, что Польша совершенно не го-

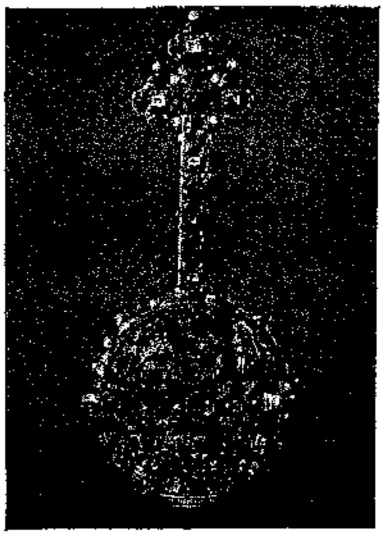
това къ войнѣ. Это послужило причиной тому, что воеводамъ кн. Черкасскому и Бутурлину, велѣно было осадить Смоленскъ, подъ которымъ они и простояли въ бездѣйствіи до іюля 1615 г. Начавшіеся дипломатическіе переговоры, посредникомъ въ которыхъ служилъ императорскій посолъ Эразмъ Ганзеліусъ, длившіеся до января 1616 г., успѣха не имѣли. Точно такъ же и наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ, начавшіяся еще лѣтомъ 1616 г., серьезныхъ послѣдствій не произвели. Въ 1618 г. королевичъ Владиславъ съ войскомъ въ 11.000 чел. двинулся къ Москвѣ и осадилъ Можайскъ, въ которомъ сидѣлъ съ войскомъ Лыковъ; послѣдній храбро защищался, и осада Можайска продолжалась безъ всякаго результата. Войско Владислава, не получая жалованья, стало бунтовать, почему королевичъ принужденъ былъ снять осаду Можайска и итти къ Москвѣ, куда съ юга двигался и гетманъ Сагайдачный. Соединясь съ нимъ, Владиславъ сдѣлалъ приступъ, но взять Москву не могъ, почему отступилъ къ Троицкой лаврѣ, куда успѣло подойти войско подъ начальствомъ Θеодора Шереметева, и осадилъ ее, но успѣха и тутъ не имѣлъ. Это заставило Владислава вступить въ переговоры, такъ какъ сеймъ отпустилъ ему очень небольшую сумму съ обязательствомъ кончить войну въ тотъ же годъ. Перемиріе было заключено въ д. Деулинѣ, почему оно и носитъ названіе Деулинскаго перемирія, по которому Польша удержала завоеванный Смоленскъ и Сѣверскую землю, королевичъ Владиславъ отказался отъ притязаній на престолъ московскій, и рѣшено было, наконецъ, совер-

Корона Михаила Θеодоровича.

шить размѣнъ плѣнниковъ. Между Вязьмой и Дорогобужемъ, на рѣчкѣ Поляновкѣ, 1 іюля 1619 г., совершился размѣнъ плѣнныхъ, и Филаретъ Никитичъ съ чинами великаго посольства, дожившими до этого радостнаго дня, вступили на родную землю. Черезъ двѣ недѣли, въ срединѣ іюля мѣсяца, Филаретъ Никитичъ пріѣхалъ въ Москву. Навстрѣчу ему вышли москвичи съ своимъ юнымъ царемъ, который поклонился отцу своему въ ноги, Филаретъ сдѣлалъ то же самое, и оба не могли долго говорить, а лишь слезы текли по ихъ щекамъ.

Мѣсто патріарха въ Москвѣ не было занято со времени великаго Гермогена, и гостившій въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ посвятилъ въ этотъ санъ Филарета, который сталъ соправителемъ своего сына. Началось такъ называемое *двоевластіе*. Филарету, какъ и царю, былъ присвоенъ титулъ *великаго государя*. Съ пріѣздомъ Филарета Никитича временщики принуждены были уйти отъ власти и уступить ему свое вліяніе. Имя Михаила писалось въ грамотахъ впереди имени патріарха, который по своей энергіи вѣдалъ ратными и всякими дѣлами. Но двоевластіе было, какъ замѣчаетъ В. О. Ключевскій, «сдѣлкой семейныхъ понятій и политическихъ соображеній: родителю неловко было стать просто подданнымъ своего сына, а сынъ нуждался въ постоянномъ регентствѣ, которое всего естественнѣе было поручить отцу съ титуломъ второго государя. Съ идеей нераздѣльности верховной власти помирились съ помощью діалектики. Въ одномъ мѣстническомъ случаѣ вопросъ, который

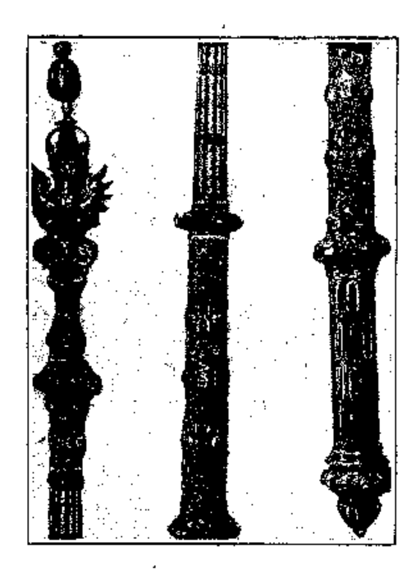
Держава Михаила Ѳеодоровича.

Смиренный Филаретъ божиею милостию патриархъ московский и всея Русии.

Подпись патріарха Филарета.

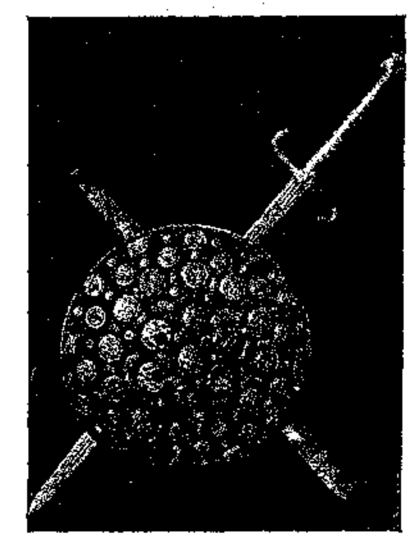
изъ государей больше или меньше другого, рѣшенъ былъ такъ: *каковъ онъ, государь, таковъ же и отецъ его государевъ; ихъ государское величество нераздѣльно.* Филаретъ являлся правителемъ доброжелательнымъ и твердымъ. Часто съ царемъ онъ созывалъ Земскій Соборъ, который обсуждалъ какъ помочь разоренному государству. Образъ жизни Филаретъ велъ самый простой: къ столу его покупались хлѣбъ, колачъ на 3—4 деньги, да клюквы на 2 деньги. Столовая его видѣла лишь деревянную и оловянную посуду.

Съ пріѣздомъ Филарета Никитича было возобновлено дѣло о царской невѣстѣ, такъ какъ чадолюбивая Мароа выбрала въ жены Марію Хлопову, изъ преданнаго Романовымъ рода Желябужскихъ. Хлопова жила при инокинѣ Мароѣ и въ 1616 г. была объявлена невѣстой царя, но этому браку помѣшала вражда Салтыковыхъ къ Хлоповымъ,—въ нихъ царская родня увидѣла себѣ соперниковъ по вліянію на царя. Поводомъ къ ссорѣ послужилъ ничтожный споръ отца невѣсты съ однимъ изъ Салтыковыхъ. Незадолго до свадьбы приключилась ни-

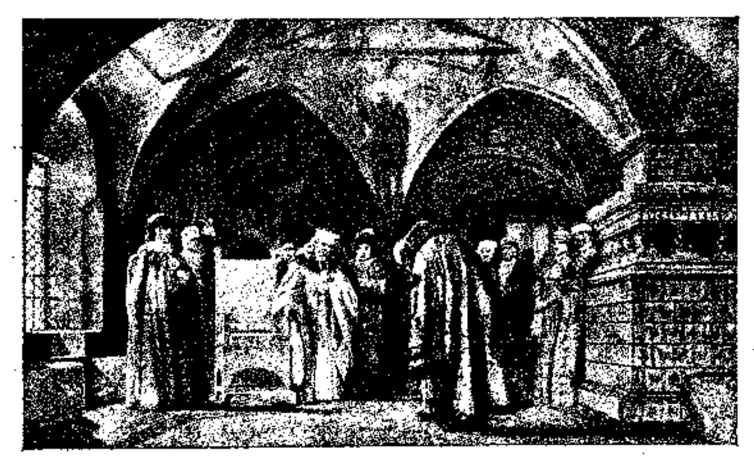

Скипетръ Михаила Θеодоровича въ деталяхъ.

чтожная болѣзнь невѣсты, которою воспользовались Салтыковы, объявивъ Хлопову «испорченной», почему она, вмѣстѣ съ родными, обвиненная въ обманѣ, была сослана въ Тобольскъ. Филаретомъ интрига эта была открыта, и Хлопову рѣшено было вернуть изъ ссылки, такъ какъ Михаилъ Өеодоровичъ все еще не могъ забыть свою любимую бывшую невѣсту. Но Мареа, благоволившая къ Салтыковымъ, настояла на томъ, чтобы Марію Хлопову оставили въ Нижнемъ-Новгородѣ, поселивъ на дворѣ умершаго Козьмы Минина, Салтыковы же отправлены въ свои

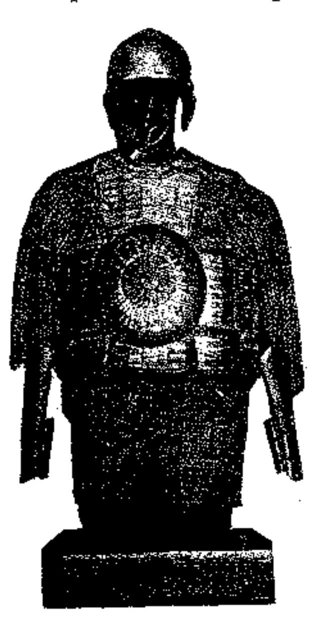

Государственный мечъ и щитъ.

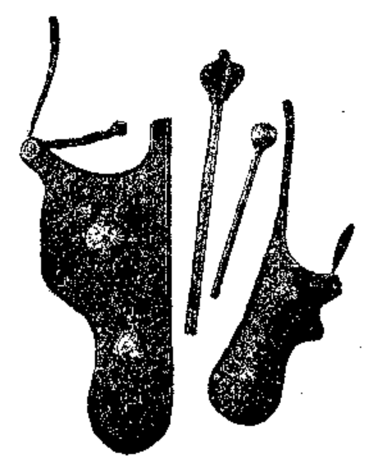

Нареченіе царской невѣсты царевною. (Съ рис. *В. Г. Шварца*).

вотчины. На 29 году Михаилъ Θеодоровичъ женился на Маріи Владиміровнѣ Долгорукой, скоро умершей, и затѣмъ во второй разъ на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой. О выборѣ Михаиломъ Θеодоровичемъ себѣ этой супруги разсказываютъ слѣдующее: «Наканунѣ выбора послали царскія повозки за знатными дѣвицами, пріѣхавшими въ Москву нарочно для этого выбора. Послѣ представленія дѣвицъ царицѣ Марθѣ

Зерцало Михаила Θеодоровича.

Налучье, колчанъ, перначъ и булава Михаила Θеодоровича.

Ивановнѣ, матери и родственницы дѣвицъ разъѣхались по домамъ. При каждой дѣвицѣ остались только однѣ прислужницы. Въ комнатахъ, для нихъ отведенныхъ, находились по обѣимъ сторонамъ кровати. Въ полночь Михаилъ съ матерью своей пошелъ осматривать невѣстъ. По окончаніи осмотра царица Марθа спросила, на которой изъ дѣвицъ остановился его выборъ. И была страшно удивлена, услыхавъ, что онъ предпочелъ прислужницу одной изъ привезенныхъ дѣвицъ. Царица просила сына помыслить, какъ оскорбятся этимъ князья и бояре, но Михаилъ отвѣчалъ:

«По волѣ только Божіей и твоей принялъ я вѣнецъ и царство; ни въ чемъ не посмѣю быть ослушнымъ матери моей. Ты всегда была наставницею и моимъ покровомъ—все исполню... Но сердце мое никогда не выберетъ, никогда другой не полюбитъ. Я опредѣленъ къ однимъ бѣдствіямъ! Первой супруги лишился въ первые мѣсяцы брачнаго союза; невѣсты лишился при самомъ избраніи». Слезы полились изъ глазъ юнаго царя. «Сынъ мой, — сказала царица, — возьми ту, которая пришлась тебѣ по любви и по сердцу».

Царица Евдокія Лукьяновна.

Между тѣмъ узнали, что избранница—дочь бѣднаго можайскаго дворянина Лукьяна Степановича Стрѣшнева, и что дѣвица, съ которою она пріѣхала, дальняя ея родственница. Люди, посланные за отцомъ невѣсты, нашли его въ полѣ за сохою, которую онъ не хотѣлъ оставить, торопясь допахать ниву. Живя потомъ въ дворцовыхъ палатахъ, Стрѣшневъ, смотря на свой старый кафтанъ и опояску, говорилъ: «Лукьянъ! помни, что ты былъ и что ты нынѣ; помни, что все это получилъ отъ Бога. Дѣлись всѣмъ, что имѣешь съ бѣдными; они твои братья!» Михаилъ Θеодоровичъ былъ счастливымъ супругомъ, но, будучи болѣзненнымъ и слабымъ, онъ тридцати съ небольшимъ лѣтъ «скорбѣлъ ножками» такъ сильно, что, по собственнымъ его словамъ (въ іюнѣ 1627 г.), «до возка и изъ возка въ креслахъ носятъ».

Заключенное съ Польшей перемиріе не могло быть прочнымъ, такъ какъ Москва никакъ не могла поза-

быть потери Смоленска. Въ 1632 г. умеръ король польскій Сигизмундъ III и избранный на престолъ его сынъ подъ именемъ Владислава IV пошелъ на выручку осажденнаго Шеиномъ Смоленска. Къ бѣдѣ нашей, иностранцы, состоявшіе на русской службѣ, набранные полковникомъ Лесли въ Швеціи, въ количествѣ 5000 человѣкъ, перешли почти всѣ на сторону польскаго короля. Кромѣ того, полякамъ удалось взять Дорогобужъ, находившійся въ тылу Шеина, гдѣ находились военные запасы. Открывшіяся заболѣванія въ войскѣ заставили Шеина сдаться, и русскія войска должны были, проходя мимо короля, складывать на землю свои знамена и отступать отъ нихъ на три шага, пока гетманъ не дозволялъ имъ отъ имени короля взять свои знамена, а Шеинъ и другіе начальники, поровнявшись съ Владиславомъ, сходили со своихъ лошадей и земно кланялись королю.

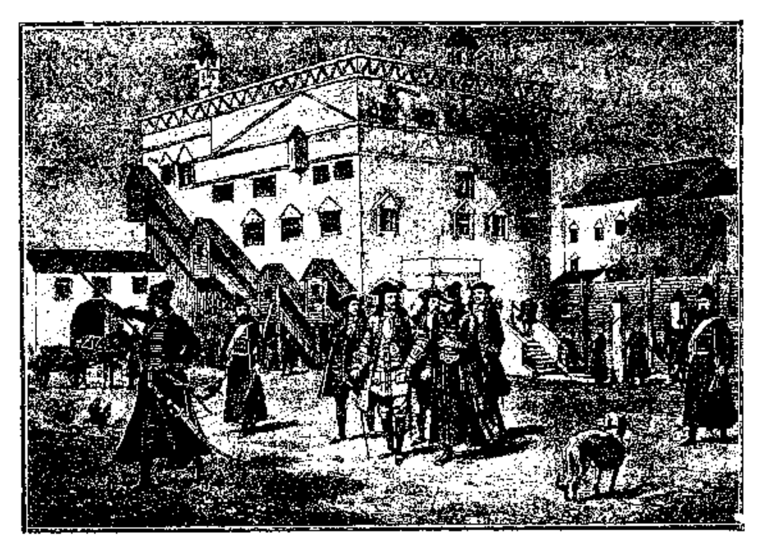
Патріарха Филарета уже не было въ живыхъ; онъ умеръ на 80-мъ году послѣ 15-лѣтняго управленія и былъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ съ царскими почестями. Созванный въ 1634 г. Земскій Соборъ, состоявшій изъ «всякихъ чиновъ людей», на изложенный ходъ войны и жалкое состояніе финансовъ отвѣтилъ, что поможетъ правительству взносами, сообразными съ достаткомъ каждаго, а возвратившагося въ Москву Шеина обвинили въ измѣнѣ и отрубили ему голову.

Поднятію русской торговли мѣшала конкуренція иностранцевъ, такъ какъ съ самаго начала царствованія Михаила Θеодоровича англичане получили право безпошлинной торговли внутри государства, а голландцы съ 1614 г. торговали внутри страны съ половинной пошлиной. Кромѣ этихъ льготъ, московское правительство призывало иностранныхъ промышленниковъ, главнымъ образомъ «рудознатцевъ», оружейниковъ и литейщиковъ. Англичанинъ Картрейтъ взялся искать золотую и серебряную руду въ окрестностяхъ Москвы, но ничего не нашелъ, а Борисъ Репнинъ съ рудознатцами ѣздилъ въ Тверь для отысканія тоже золотой руды, но и его предпріятіе не имѣло успѣха. Въ 1632 г. голландскій купецъ Андрей Виніусъ получилъ позволеніе построить заводъ въ Тулѣ для литья пушекъ и ядеръ. Къ нему въ компанію позже всту-

Обрядъ омовенія рукъ царемъ послѣ пріема иноземныхъ посольствъ.

пилъ Марселисъ. Гостепріимное отношеніе русскихъ къ иностранцамъ, отъ которыхъ ожидали экономической пользы для страны, привлекало послѣднихъ въ Россію массами, такъ что гольштинецъ Олеарій, бывшій въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, говоритъ, что до тысячи протестантскихъ семействъ жило въ Бѣлокаменной.

Прогулка посла во дворцѣ посольскаго дома въ Москвѣ.

Взявъ Смоленскъ, Владиславъ подошелъ къ крѣпости Бѣлой, которую мѣстный воевода храбро защищалъ. Поляки отчаянно шли на приступъ, но взять Бѣлой не могли. Князь Радзивиллъ въ своихъ «Запискахъ» замѣчаетъ, что Бѣлую правильнѣе слѣдовало бы назвать Красною, столько подъ ней было пролито крови. Въ лагерѣ осаждавшихъ начался голодъ, и послѣдствіемъ его явились болѣзни, а при извѣстіи о движеніи турокъ къ польскимъ границамъ явилась мысль о мирѣ, который и былъ заключенъ въ 1634 г. на рѣкѣ Поляновкѣ, гдѣ произошелъ обмѣнъ русскихъ и польскихъ плѣнниковъ. По Поляновскому миру Владиславъ отказался отъ притязаній на московскій пре-

столъ, а Смоленскъ и другіе города, уступленные полякамъ по Деулинскому перемирію, остались у Польши.

Донскіе казаки во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ завладѣли Азовомъ, который удерживали до 1641 г., когда къ Азову подошло огромное турецко-крымское войско, осадило его, но потерпѣло пораженіе. Тогда казаки отправили въ Москву извѣстіе о своей побѣдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просили у царя принять Азовъ и прислать имъ помощь. На созванномъ по этому поводу Земскомъ Соборѣ 1642 г. вскрылись нужды и желанія сословій; рядомъ съ проектами защиты Азова, указывалось правительству на всеобщую разоренность и на злоупотребленія администраціи, единаго класса, которому жилось тогда хорошо. Втягиваться въ новую войну и довершать разореніе народа не имѣло смысла, почему казакамъ была послана грамота, въ которой приказывалось покинуть Азовъ, что послѣдними и было исполнено, но, оставляя Азовъ, они его совершенно разрушили, такъ что явившееся для новой осады Азова турецкое войско нашло на мѣстѣ города однѣ развалины. На Соборѣ 1642 года было рѣшено съ помощью иностранныхъ офицеровъ начать обученіе «русскихъ ратныхъ людей иноземному строю», послѣ стали появляться у насъ полки съ названіемъ *солдатскіе* рейтарскіе, драгунскіе, которые были переходною ступенью къ постоянному, регулярному, національному войску. Въ продолженіе всего царствованія Михаила Өеодоровича въ Кремлѣ шла усиленная дѣятель-

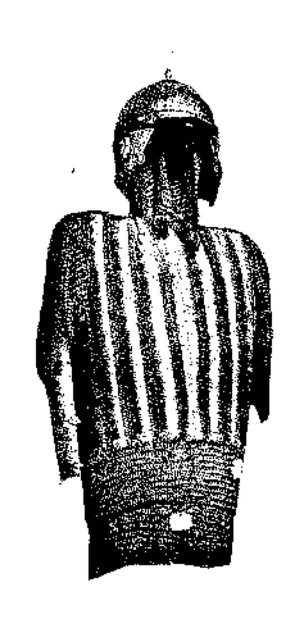
Солдатъ Бутырскаго полка, обученный иноземному строю.

ность по постройкѣ различныхъ зданій, а правительственныя заботы были направлены къ успокоенію страны, для чего старались искоренить злоупотребленія администраціи и поднять общее благосостояніе.

Михаилъ Θеодоровичъ умеръ въ Кремлѣ 12 іюля 1645 г. Въ послѣднее время состояніе его здоровья еще сильнѣе пошатнулось, такъ какъ неудача сватов-

Ерихонская шапка Михаила Θеодоровича.

Бахтерецъ и зерцало Михаила Θеодоровича.

ства его дочери Ирины за датскаго королевича Вольдемара нанесла ударъ здоровью царя, чрезвычайно потрясеннаго передъ тѣмъ смертью двухъ своихъ сыновей. Замужество же дочери разстроилось потому, что Вольдемаръ не хотѣлъ принять православной вѣры, а благочестивый Михаилъ Θеодоровичъ не желалъ выдать дочь за иновѣрца. Вольдемаръ хотѣлъ уѣхать въ Данію, но Михаилъ Θеодоровичъ его не отпускалъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это дѣло, но въ день

своего ангела царь, стоя у заутрени, заболѣлъ; съ нимъ сдѣлалось дурно, и его унесли въ царскіе покои. Къ вечеру болѣзнь усилилась; царь стоналъ, жалуясь, что внутренности его терзаются, приказалъ позвать царицу и сына, 16-лѣтняго Алексѣя, съ дядькою его Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха. Простился съ женою, благословилъ сына на царство и сказалъ Морозову: «Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и соблюдалъ его, какъ зеницу ока,—такъ и теперь служи». Во 2-мъ часу ночи Михаилъ Ѳеодоровичъ исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ и въ началѣ третьяго часа скончался.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Алексѣй Михайловичъ.

Послѣ кончины Михаила Θеодоровича, мѣсяцъ спустя, умерла и его жена, такъ что вступившій на престолъ 16-лѣтній Алексѣй Михайловичъ остался сиротой. 28 сентября 1645 г., т.-е. черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ своего воцаренія онъ короновался. Государствомъ правилъ его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ цѣлыхъ три года, но этотъ человѣкъ, въ концѣ-концовъ, свое мѣсто временщика уступилъ Салтыковымъ. Морозовъ былъ поклонникомъ Запада; онъ обучалъ царевича Алексѣя наглядно по нѣмецкимъ картинкамъ, одѣвалъ своего питомца и его брата въ нѣмецкое платье и ходилъ съ ними въ Кукуй-городокъ, или Нѣмецкую слободу. Когда Алексѣю Михайловичу было 11—12 лѣтъ, онъ имѣлъ уже библіотечку, составившуюся изъ книгъ, подарковъ дѣдушки, дядекъ и учителей; впослѣдствіи Алексѣй Михайло-

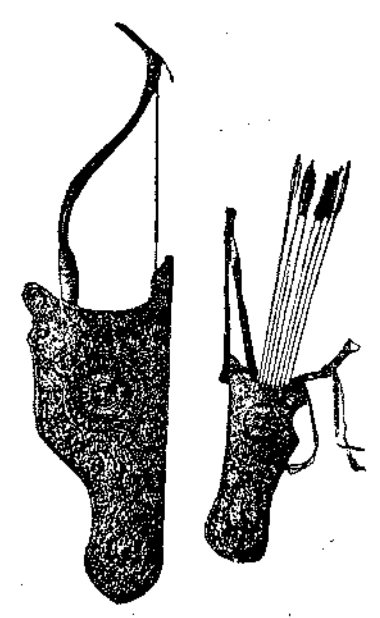
вичъ любилъ писать стихами и прозой, сочинялъ сокольничьи уставы и даже воспоминанія о польской войнѣ. Не одни современники, но и иностранцы, хваля его, говорили, что онъ «навыченъ многимъ философскимъ наукамъ». Онъ оставилъ много писемъ къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ много задушевной грусти, простодушія, а подчасъ и веселости. Нѣмецъ Рейтенфельсъ, отмѣчая образованность и умъ царя, говоритъ: «Это такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». Англичанинъ Коллинсъ прекрасно отзывается о немъ: «Царь одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями». Ревностно блюдя посты, царь Алексѣй, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Коллинсъ, обѣдалъ только три раза въ недѣлю: въ субботу, въ воскресенье и въ четвергъ, а, «желая угостить своихъ бояръ, онъ давалъ имъ изъ своихъ рукъ маленькій кубокъ съ жидкостью, такою тонкой и такъ много разъ перегнанной что она могла причинить вредъ каждому, кто къ ней не привыкъ. Иногда онъ примѣшивалъ туда ртуть и ему нравилось, когда его гости пьянѣли».

Тронъ Алексѣя Михайловича.

Невзирая на то, что ко всякому человѣческому страданію онъ былъ чувствителенъ, тѣмъ не менѣе, царь Алексѣй Михайловичъ не прочь былъ и зло пошутить. Такъ, въ письмѣ отъ 13 марта 1657 года изъ села Коломенскаго къ главному своему ловчему Масюшкину онъ писалъ, что его развлеченіемъ является

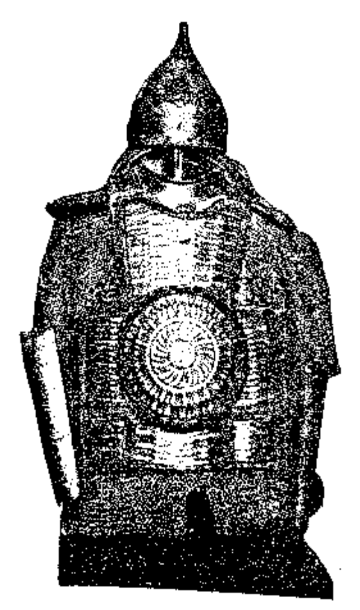
купать каждое утро тѣхъ бояръ, которые опаздывали рано вставать. Точно такъ же онъ любилъ иногда собственноручно «смирять» людей, напримѣръ, послѣ того какъ князь Хованскій былъ разбитъ въ Литвѣ, потерявъ 20.000 войскъ, Алексѣй Михайловичъ спросилъ въ Думѣ бояръ, что дѣлать. Тесть царя, Илья Даниловичъ Милославскій, неожиданно объявилъ, что если дадутъ ему начальство надъ войскомъ, то онъ скоро приведетъ плѣнникомъ самого короля польскаго. «Какъ ты смѣешь, — закричалъ царь, — ты, страдникъ, худой человѣчишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ! Когда ты ходилъ съ полками, какія побѣды показалъ надъ непріятелемъ?» Говоря это, Алексѣй Михайловичъ всталъ, далъ старику пощечину, надралъ бороду и вытолкнулъ его изъ палаты, съ силой захлопнувъ за нимъ дверь. Но этимъ дѣло и ограничилось и на другой день уже все было позабыто. Царь Алексѣй всегда раскаивался въ своей вспыльчивости, заставлявшей его забываться. Ла-Мартиньеръ разсказываетъ, что царь Алексѣй отказался подписать смертный приговоръ надъ бѣглымъ солдатомъ, ссылаясь на то, что «Богъ не даетъ мужества всѣмъ людямъ».

Налучье и колчанъ Алексѣя Михайловича.

Онъ ѣздилъ въ нѣмецкой каретѣ, ходилъ самъ и бралъ своихъ дѣтей смотрѣть «комедійныя дѣйства» съ музыкой и танцами. Отправляясь на охоту, возилъ съ собой жену; пригласилъ къ дѣтямъ учителемъ ученаго западно-русскаго монаха, который училъ царевичей ла-

тинскому и польскому языкамъ, но Алексѣй Михайловичъ не могъ стать во главѣ новаго движенія, такъ какъ привычки привязывали его къ старинѣ. Глубокая религіозность заставляла царя вставать въ 4 часа утра и начинать день молитвою святому этого дня; затѣмъ, зайдя къ царицѣ, онъ спѣшилъ къ заутрени. На обѣдѣ, данномъ антіохійскому патріарху, греки были удивлены,

Шапка ерихонская и зерцало Алексѣя Михайловича.

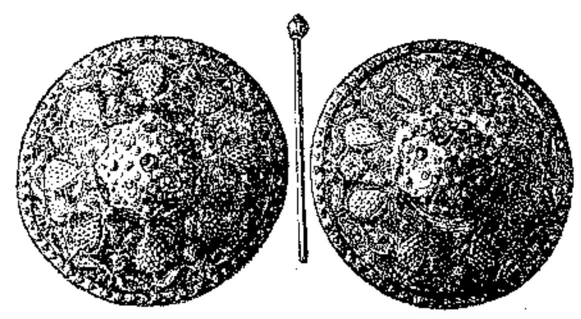

Костюмъ сокольничаго Алексѣя Михайловича.

услыша чтеца, который послѣ благословенія сталъ читать главу изъ житія св. Алексѣя и продолжалъ это чтеніе во все время обѣденнаго стола.

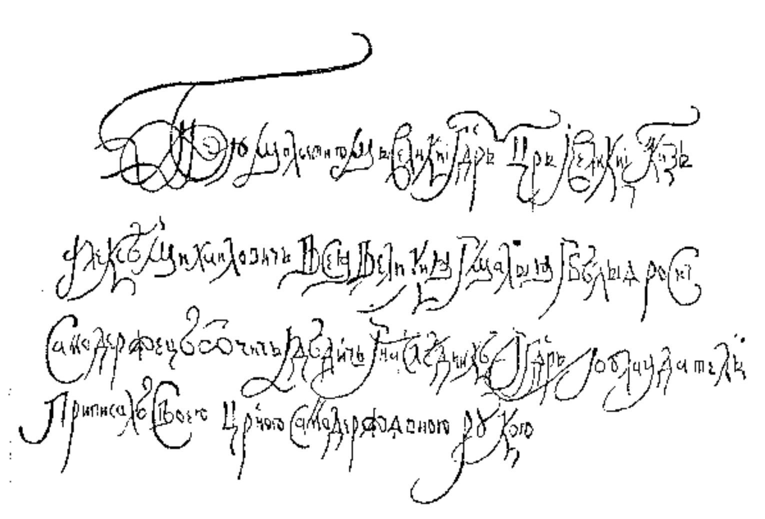
Въ своей домашней жизни былъ примѣрнымъ супругомъ какъ съ первою, такъ и со второю женою. Покидая семью, онъ велъ съ нею постоянно переписку. Такъ, въ ноябрѣ 1654 г., во время перваго польскаго похода, назначивъ свиданіе съ семьею въ Вязьмѣ, онъ писалъ: «я радуюсь свиданію съ вами, какъ слѣпой радуется увидѣть свѣтъ».

Скромный и бережливый въ обыденной жизни, царь Алексѣй Михайловичъ питалъ большую страсть къ пышности и блеску. Внутреннее убранство комнатъ дворца отличалось живописью потолковъ, а стѣны были обиты обоями изъ шелка и кожи. Перестроенный вновь дворецъ въ селѣ Коломенскомъ, расположенный на берегу р. Москвы, въ семи верстахъ отъ Кремля, былъ образцомъ тогдашняго искусства. Рейтенфельсъ находилъ его похожимъ на дѣтскую игрушку, а Симеонъ Полоцкій въ своихъ нескладныхъ стихахъ, называлъ Коломенское село восьмымъ чудомъ міра. Не

Два тростниковыхъ щита турецкихъ и яшковая булава Алексѣя Михайловича.

менѣе заботился царь Алексѣй и о селѣ Измайловѣ, гдѣ рядомъ съ великолѣпнымъ дворцомъ былъ разбитъ плодовый садъ, посаженъ виноградъ и устроены плантаціи шелковичныхъ деревьевъ. Въ Потѣшномъ дворѣ въ Москвѣ помѣщалось болѣе ста сокольничихъ, на Патріаршихъ прудахъ были разведены бобры и на гравюрѣ, сдѣланной за границей, изображена голова кота Алексѣя Михайловича; этотъ рѣдкій листъ украшаетъ одну изъ витринъ Публичной Императорской библіотеки въ С.-Петербургѣ. Уравновѣшенность души царя Алексѣя Михайловича заслужила ему названіе «тишайшаго», т.-е. кроткаго, милосерднаго. Своимъ близкимъ царь Алексѣй часто повторялъ: «забавляйтеся и утѣшайтеся! Дѣлу время, а потѣхѣ часъ». Онъ тяготился людьми грубыми и односторонними; любя и подчиняясь патріарху Никону, онъ, тѣмъ не

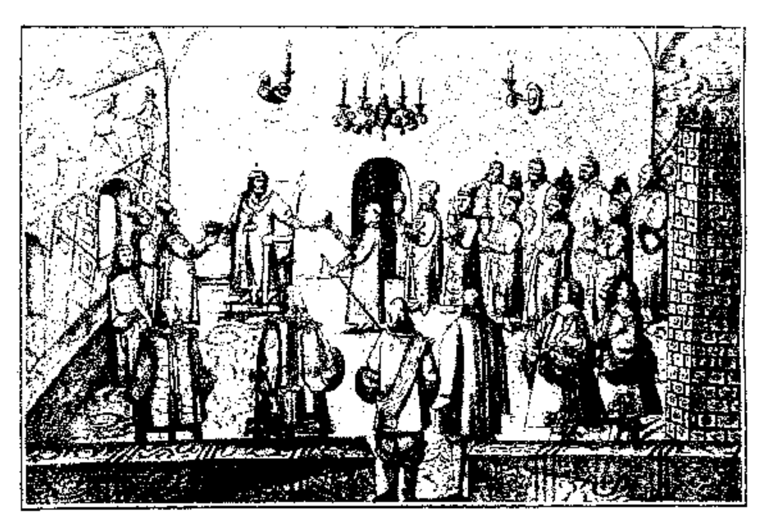
Подпись Алексѣя Михайловича.

менѣе, называлъ его «мужикомъ, глупымъ человѣкомъ». Алексѣй Михайловичъ цѣнилъ даровитыхъ людей съ европейскимъ образованіемъ и довѣрялъ имъ больше всѣхъ. Но рано напуганный народными бунтами, онъ отдалъ власть боярамъ и осыпалъ милостями стрѣльцовъ, какъ своихъ тѣлохранителей. Словомъ, его царствованіе было правленіемъ временщиковъ, и развитіемъ приказнаго духа.

Алексѣй Михайловичъ любилъ своего воспитателя боярина Морозова, какъ второго отца. Эта привязанность усилилась еще болѣе послѣ того, какъ онъ женился на родной сестрѣ супруги царя. Случилось это такимъ образомъ. Когда царь задумалъ жениться, во дворецъ были собраны 200 красивыхъ дѣвицъ княжескихъ и боярскихъ. Алексѣй Михайловичъ избралъ дѣвицу Всеволожскую, но когда ее одѣвали въ царское платье, боярыни отъ зависти столь сильно стянули ей косу, что въ присутствіи царя ей сдѣлалось дурно. Царю объяснили, что невѣста страдаетъ падучею болѣзнью. Всеволожская была удалена, а отецъ ея сосланъ въ Сибирь за то, что не сказалъ ранѣе о болѣзни дочери. Словомъ, повторилась исторія Ма-

ріи Хлоповой. Вскорѣ послѣ того, Морозовъ устроилъ, что царь въ Успенскомъ соборѣ увидѣлъ красивую дочь стольника Милославскаго Марію, на которой Алексѣй Михайловичъ и женился, а, десять дней спустя, самъ Морозовъ, несмотря на преклонные годы, женился на Аннѣ сестрѣ царицы.

Послѣ этого Морозовъ сталъ еще болѣе самоуправцемъ, а тесть царя, Илья Даниловичъ Милославскій

Царь Алексѣй Михайловичъ 24 апрѣля 1662 года принимаетъ фонъ-Мейрна, посланника римско-императорскаго двора.

ради корысти пользовался всякимъ случаемъ замѣщать важнѣйшія государственныя должности своими не менѣе жадными родственниками. Среди нихъ особо сдѣлались ненавистны народу за свое лихоимство начальникъ Пушкарскаго приказа Траханіотовъ и судья Земскаго приказа Леонтій Плещеевъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1648 г. народъ взбунтовался, Морозовъ былъ высланъ изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь, Плещеевъ убитъ народомъ, а Траханіотовъ казненъ. Смуты происходили отчасти оттого, что не было полнаго собранія законовъ и законы были извѣстны лишь подъячимъ. Вотъ почему Алексѣй Михайловичъ поручилъ довѣреннымъ

линамъ собрать указы прежнихъ царей, провѣрить ихъ и привести въ порядокъ. Собранные законы были просмотрѣны Земскимъ Соборомъ, переписаны въ свитокъ въ 334 аршина длиною и напечатаны подъ названіемъ «Соборнаго Уложенія» и разосланы по всей Россіи. Патріархъ Никонъ не одобрялъ Уложенія, называлъ его проклятою и беззаконною книгою, которая была составлена «человѣкомъ прегордымъ», княземъ Одоевскимъ, вопреки царскому указанію и передана Земскому Собору, ради боязни мятежнаго «міра», почему онъ не разъ просилъ государя Уложеніе отмѣнить. Уложеніе проводило начало общаго равенства предъ закономъ и властью, становясь противъ московскаго боярства и дьячества за мелкую сошку. Недостатки Уложенія приходилось исправлять новоуказными статьями таковы статьи *о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ* 1669 г., *о помѣстьяхъ и вотчинахъ* 1676—1677 гг. Эти измѣненія свода 1649 г. служатъ отраженіемъ московской государственной жизни, «когда ея руководителями начало овладѣвать сомнѣніе въ пригодности, говоритъ В. О. Ключевскій, нормъ и пріемовъ управленія».

Царица Марія Ильинична Милославская, первая супруга царя Алексѣя Михайловича.

Земскій Соборъ 1648 г. былъ самымъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ изъ соборовъ новой династіи. Послѣ собора объ Уложеніи въ Москвѣ были еще соборы въ 1650, 1651 и 1653 годахъ. Первый занимался вопросомъ объ умиротвореніи Пскова, гдѣ шло сильное броженіе, а два послѣднихъ были посвящены вопросу о присо-

единенін Малороссіи. Послѣднее засѣданіе Собора 1653 г. происходило 1 октября, и болѣе соборы въ Москвѣ не созывались, такъ какъ московское правительство, какъ надо думать, отъ нихъ отказалось сознательно. Затѣмъ въ Москвѣ, когда оказывалась нужда въ мнѣніяхъ свѣдущихъ людей, то созывали на совѣтъ не «всѣхъ чиновъ выборныхъ людей», а лишь представителей того сословія, которое было всего ближе къ данному дѣлу.

Виновникомъ перемѣны взгляда правительства на соборы былъ патріархъ Никонъ, который выразилъ свое отрицательное отношеніе къ собору 1648 г. въ рѣзкой запискѣ. Сдѣлавшись въ 1652 г. патріархомъ, Никонъ пасъ не только Церковь, но вѣдалъ и все государство. Никонъ одаренъ былъ необыкновенными способностями, но совершенно лишенъ былъ умѣнья умѣрять порывы своего властолюбія и гордости. Онъ писался «великимъ государемъ», какъ и Филаретъ Никитичъ. Когда Алексѣй Михайловичъ находился въ походѣ противъ Польши, Никонъ управлялъ государствомъ въ качествѣ «великаго государя» изъ Чудова монастыря въ Кремлѣ. Со своими врагами Никонъ былъ жестокъ; но онъ забывалъ все при видѣ людскихъ слезъ и страданій. Его поведеніе въ 1650 г. съ новгородскими бунтовщиками, которымъ онъ далъ себя избить, чтобы ихъ образумить, потомъ во время московской моровой болѣзни 1654 г., когда онъ въ отсутствіе царя вырвалъ изъ заразы его семью, обнаруживаетъ въ немъ рѣдкую отвагу и самообладаніе. Тѣмъ не менѣе, бояре и вельможи относились къ Никону крайне враждебно. Царица съ родственниками своими Милославскими, а также родные царя по матери — Стрѣшневы и всѣ приближенныя ко двору лица были врагами Никона. Къ числу ихъ принадлежали и видныя духовныя лица, оскорбленныя суровостью Никона и жестокостью его характера. Ко всему этому присоединилась сильная оппозиція противъ исправленія Никономъ текста богослужебныхъ книгъ. Враги Никона подали царю длинную жалобу на него, въ которой обвиняли его не только какъ вносителя различныхъ «новшествъ» въ церковныя книги, но и какъ дурного патріарха.

Крестьяне подъ Москвой приносятъ жалобу на бояръ Алексѣю Михайловичу.

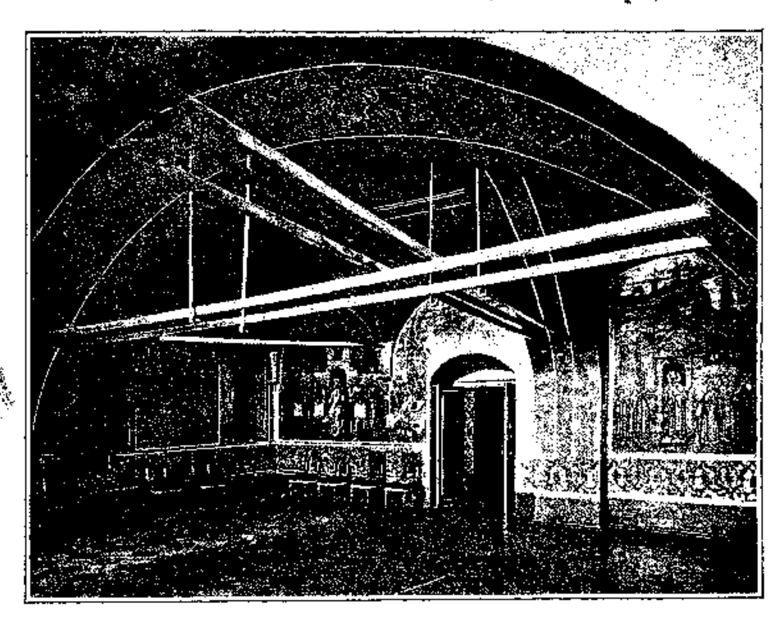
Живописецъ Кальуччи рисуетъ соколовъ Алексѣя Михайловича.

Степенныхъ людей брало раздумье, отъ сцены въ соборѣ при разстриженіи протопопа Логгина, который по снятіи съ него однорядки и кафтана, съ бранью плевалъ черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону и сорвавъ съ себя рубашку, бросилъ ее въ лицо патріарху. Приближенные царя говорили ему, что уже не слыхать царской власти, что патріаршихъ посланцевъ боятся гораздо больше царскихъ, что патріархъ не довольствуется равенствомъ своей власти съ царской, а хочетъ стать выше царя, что онъ вступается во всякія государственныя дѣла. Вслѣдствіе этихъ жалобъ и обвиненій, между царемъ и патріархомъ возникло охлажденіе, усиливавшееся со дня на день.

Къ окончательному разрыву между царемъ и патріархомъ привелъ слѣдующій случай: лѣтомъ 1658 г. былъ обѣдъ во дворцѣ, по случаю пріѣзда въ Москву грузинскаго царевича Теймураза; окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, очищая путь царевичу, надѣлялъ ударами палки тѣхъ, кто слишкомъ высовывался изъ толпы. Подъ ударъ палки попалъ патріаршій дворянинъ. «Не дерись, Богданъ Матвѣевичъ,—

крикнулъ дворянинъ:—вѣдь я не простой сюда пришелъ, а съ дѣломъ!»—«Ты кто такой?» спросилъ Хитрово. «Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ посланный». «Не чванься!» крикнулъ окольничій и ударилъ его по лбу. Дворянинъ побѣжалъ жаловаться Никону, который написалъ царю письмо, прося разыскать дѣло и наказать Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ собственноручной запиской, что велитъ сыскать дѣло и самъ повидается съ патріархомъ, но свиданія не послѣдовало.

Вскорѣ послѣ этого наступилъ праздникъ Казанской Богородицы (8 іюля), но царь не былъ въ Казанскомъ соборѣ, а 10 іюля, въ праздникъ Ризы Господней, привезенной изъ Персіи еще при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, передъ обѣдней послалъ къ Никону князя Юрія Ромодановскаго съ приказомъ царя, чтобы его дожидались въ Успенскомъ соборѣ. Ромодановскій передавъ приказъ царя, добавилъ: «Царское величество почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты

Малая Золотая палата въ теремахъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ играетъ въ шахматы.
(Съ рис. *В. Шварца*).

этого не понялъ; теперь царь велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ ты впередъ не писался и не назывался великимъ государемъ и почитать тебя таковымъ не будетъ».

Никонъ, отправившись въ тотъ же день служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, объявилъ народу, что онъ слагаетъ съ себя патріаршескій санъ. Народъ плакалъ, а Никонъ пошелъ въ ризницу и написалъ царю: «Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писанія: дадите мѣсто гнѣву и паки: егда изженутъ васъ изъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ». Затѣмъ Никонъ вышелъ было изъ Успенскаго собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ его, а выпустилъ лишь крутицкаго митрополита Питирима, который отправился къ царю, чтобы передать ему о случившемся. Царь сильно встревожился и послалъ къ

Царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ у гроба митрополита Филиппа. (Съ карт. *А. Д. Литовченко*).

Никону князя Алексѣя Николаевича Трубецкого. Но свиданіе это ни къ чему не привело, и Никонъ отправился пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря и скоро выѣхалъ изъ Москвы, поселясь недалеко отъ нея, въ Крестномъ монастырѣ.

Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ созвать духовный соборъ для разрѣшенія дѣла о сложеніи Никономъ патріаршаго сана. Соборъ открылся 17 февраля 1660 г., однако не избралъ новаго патріарха, хотя и рѣшилъ, что Никонъ, какъ сложившій съ себя патріаршій санъ, не можетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Въ слѣдующемъ 1661 г. Никонъ снова вернулся въ Воскресенскій монастырь. Съ посланными къ нему для увѣщанія свѣтскими и духовными лицами онъ вступалъ въ жестокіе споры. Обращались съ запросами и къ восточнымъ патріархамъ, которые осуждали Никона.

Приближался праздникъ Рождества Христова 1664 г. Въ ночь съ 17 на 18 декабря къ одной изъ заставъ Москвы подъѣхало нѣсколько саней. На вопросъ караульнаго: «Кто ѣдетъ». Отвѣчали: «Духовный чинъ». Поѣздъ былъ пропущенъ и направился прямо въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ шла заутреня въ присутствіи ростовскаго митрополита Іоны. Вдругъ послышался шумъ, двери растворились, и вошла толпа монаховъ, за ними несли крестъ, за которымъ шелъ Никонъ и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Раздался повелительный голосъ Никона: «Перестань читать!»

Поддьякъ ростовскаго митрополита, читавшій псалтырь, повиновался, воскресенскіе монахи, пріѣхавшіе съ Никономъ, запѣли «Достойно есть». Когда пѣніе кончилось, Никонъ велѣлъ соборному дьякону говорить ектенью, а самъ пошелъ прикладываться къ образамъ и мощамъ. Затѣмъ взошелъ на патріаршее мѣсто, прочелъ молитву «Владыко многомилостиве» и приказалъ позвать къ себѣ подъ благословеніе ростовскаго митрополита Іону; тотъ подошелъ, за нимъ протопопъ и все духовенство. «Поди,—сказалъ Никонъ Іонѣ,—возвѣсти царю о моемъ приходѣ». Іона отправился вмѣстѣ съ ключаремъ Успенскаго собора Іовомъ. Они нашли Алексѣя Михайловича у заутрени въ церкви св. Евдокіи. «Въ Успенскій соборъ пришелъ патріархъ Никонъ, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ насъ объявить о своемъ приходѣ тебѣ, государь», сказалъ Іона.

Забѣгали люди, и замелькали въ окнахъ дворца огни, посылались посланцы за архіереями и боярами, которые скоро и явились во дворецъ. Въ Успенскій соборъ къ Никону посланы были бояре: кн. Никита

Судъ надъ патріархомъ Никономъ.

Ивановичъ Одоевскій, кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ. Они обратились къ Никону, сказавъ: «Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, обѣщая впредь въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь и объ этомъ написано уже къ вселенскимъ патріархамъ, а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ?» Никонъ отвѣчалъ, что прибылъ въ Кремль потому, что его призывали туда на патріаршество московскіе святители, являвшіеся ему въ видѣніи, о чемъ и письмо просилъ передать царю.

Три раза названные бояре отъ имени царя ходили въ Успенскій соборъ съ приказомъ Алексѣя Михайловича Никону возвратиться въ Воскресенскій монастырь, и, только послѣ третьяго приказанія, онъ уѣхалъ обратно.

Въ декабрѣ 1666 г. прибыли въ Москву двое вселенскихъ восточныхъ патріарховъ и александрійскій съ довѣренностями также отъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго. Составили изъ нихъ и русскихъ митрополитовъ и архіереевъ соборъ въ кремлевскомъ дворцѣ, въ личномъ присутствіи царя.

Соборъ, допросивъ Никона, низложилъ его изъ патріарховъ въ простой монашескій чинъ и опредѣлилъ сослать его въ заточеніе въ Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь, куда онъ и былъ отправленъ подъ воинскимъ конвоемъ.

«Правящія сферы надолго запомнили, — говоритъ В. О. Ключевскій,—какъ глава церковной іерархіи хотѣлъ стать выше царя, какъ онъ на вселенскомъ судилищѣ въ 1666 г. срамилъ московскаго носителя верховной власти, и, признавъ, что отъ этой іерархіи, кромѣ смуты, ждать нечего, молчаливо, безъ словъ, общимъ настроеніемъ рѣшили предоставить ее самой себѣ, но до дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи не допускать».

Предпринятое Никономъ исправленіе церковныхъ книгъ оставило глубокій слѣдъ въ видѣ раскола, называемаго старообрядчествомъ. Нашлись фанатики, которые всю жизнь боролись съ «никоніанскою ересью», какъ называли они православіе. Въ Соловкахъ вспых-

нулъ цѣлый бунтъ, и этотъ «церковный мятежъ» былъ поддержанъ гражданскими бунтами.

Днѣпровскіе казаки откликнулись на призывы своего «батька» Богдана Хмельницкаго, объявили его своимъ гетманомъ и, послѣ упорной борьбы съ поляками, украинскіе казаки приняли русское подданство (1654 г.), а послѣдствіемъ присоединенія Малороссіи къ Россіи явилась война съ Польшей.

Самъ Алексѣй Михайловичъ пошелъ въ походъ, выславъ впередъ Иверскую икону. Война началась удачно, былъ взятъ Смоленскъ, Вильна, и царь назвался «великимъ княземъ литовскимъ». Но Алексѣй Михайловичъ, увлекаясь мыслью о Ливоніи, объявилъ войну шведамъ. Карлъ X, во главѣ арміи Густава Адольфа, нанесъ рядъ пораженій, послѣ чего скоро былъ заключенъ миръ на условіяхъ, бывшихъ до войны. Военные расходы требовали средствъ, и правительству приходилось прибѣгать къ сбору «пятой деньги», но и этого не хватало. Тогда (1656 г.) бояринъ Ртищевъ предложилъ пустить въ оборотъ (металлическія ассигнаціи) мѣдныя деньги одинаковой формы и величины съ серебряными, выпуская ихъ по одной цѣнѣ съ ними. Это дѣло шло удачно до 1659 г.; за 100 сер. коп. давали 104 мѣдныхъ. Затѣмъ серебро быстро исчезло изъ обращенія, и въ 1662 г. за 100 сер. давали уже 300 — 900 мѣдныхъ, а въ 1663 г. за 100 сер. не брали и 1500 мѣдныхъ. По словамъ Мейербера, въ пять лѣтъ выпущено было 20 милл. рублей. Успѣху дѣла помѣшали злоупотребленія лицъ, завѣдывавшихъ чеканкой монеты, а также поддѣлка монетъ.

Мейерберъ говоритъ, что до 400 чел. сидѣло въ тюрьмахъ «за поддѣлку монеты», а по словамъ Котошихина: «за тѣ деньги было казнено больше 7000 чел.» Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1662 г. народъ, знавшій о злоупотребленіяхъ при чеканкѣ денегъ, поднялъ открытый бунтъ въ Москвѣ противъ бояръ и толпою пошелъ къ царю въ село Коломенское просить управы на бояръ. Алексѣй Михайловичъ ласкою успѣлъ было успокоить толпу, но случайныя обстоятельства раздули страсти, и бунтовщиковъ пришлось усмирять воинскою силою.

Волненія середины XVII в., имѣвшія въ основѣ экономическую неудовлетворенность населенія, подготовили то громадное движеніе, которымъ завершилась общественная жизнь времени «тишайшаго» царя. Мятежъ этотъ произошелъ среди донской вольницы. Во главѣ голытьбы стоялъ Степанъ Разинъ, братъ котораго былъ безвинно казненъ. Разинъ засѣлъ съ бунтовщиками у Камышина на холмахъ, которые и теперь носятъ его имя. Отсюда Стенька набѣгалъ на русскихъ купцовъ и воеводъ, а чернь и рядовыхъ стрѣльцовъ ласкалъ. Усиливъ свою шайку, онъ появился на Волгѣ, взялъ Яицкій Городокъ и гулялъ даже по Каспійскому морю до Решта. Разинъ разбилъ войско персидскаго шаха и весело зажилъ въ Астрахани, куда прибывала къ нему голытьба съ Терека и Кубани, съ Волги и Днѣпра. Царь предложилъ прощеніе Разину если онъ распуститъ свою ватагу. Атаманъ согласился и возвратился домой, гдѣ на одномъ островѣ завелъ свою Сѣчь, укрѣпленный городокъ Кагальникъ. Такъ кончилось 3-лѣтнее возстаніе Разина. Но голытьба все приливала къ нему, а «старые» казаки задумали отдѣлаться отъ нея и начали переговоры съ Москвой. Тогда Разинъ рѣшилъ, что «пора итти выводить воеводъ и бояръ», и начался снова бунтъ. Есауломъ у Разина сталъ Васька Усъ, извѣстный истребленіемъ помѣщиковъ. Разинъ взялъ Царицынъ и Астрахань и двинулся вверхъ по Волгѣ на 200 стругахъ, съ 10.000 войска. Подъ Симбирскомъ онъ былъ разбитъ царскою ратью, обученною европейскому строю. Израненный Разинъ бросился въ свой Кагальникъ, но казаки обманомъ схватили его и выдали царю. Въ Москвѣ послѣ жестокихъ пытокъ (1671 г.) Разина четвертовали.

Во время второй польской войны Янъ Собѣсскій, съ помощью крымцевъ, разгромилъ московскія войска. Царь Алексѣй Михайловичъ выходилъ къ народу въ печальномъ одѣяніи и велѣлъ наскоро укрѣплять Москву, а самъ собирался ѣхать въ Ярославль. Главною причиною неудачъ въ войнѣ были смуты въ Украйнѣ, гдѣ послѣ смерти Хмельницкаго атаманомъ былъ избранъ Выговскій, который передался полякамъ, которые по Гадяцкому договору обязались изъ обѣихъ Украйнъ создать независимое «великое княжество рус-

Денежный бунтъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. (Съ карт. *В. М. Васнецова*).

ское украинское». Но гультяи прогнали Выговскаго и поставили гетманомъ запорожца Брюховецкаго, который и получилъ въ Москвѣ чинъ боярина. Москва оправилась и вынудила у Польши перемиріе Андрусовское (1667 г.): поляки уступили русскимъ Смоленскъ и Сѣверскую землю, признали за ними Восточную Украйну по Днѣпръ и уступили на два года Кіевъ.

Заключеніе Андрусовскаго перемирія высоко поставило въ московскомъ правительствѣ Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, который былъ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ; по заключеніи этого перемирія, онъ былъ пожалованъ въ бояре и назначенъ главнымъ управителемъ Посольскаго приказа съ громкимъ титуломъ «царской большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя». Нащокинъ упорно стоялъ на томъ, чтобы во всемъ брать образецъ съ Запада, все дѣлать «съ примѣру сторонних чужихъ земель». Но по его мнѣнію, не все нужно было брать безъ разбора у чужихъ. «Какое намъ дѣло до иноземныхъ обычаевъ, — говаривалъ онъ:—ихъ платье не по насъ, а наше не по нимъ». Это былъ одинъ изъ немногихъ западниковъ, искавшихъ соглашенія общеевропейской культуры съ національной самобытностью. Андрусовское перемиріе было страшнымъ ударомъ для малороссовъ, такъ какъ царь оставлялъ правобережную Украйну на произволъ поляковъ. Невыносимыми оказались также московскіе воеводы, приведенные Брюховецкимъ, они вездѣ ставили своихъ людей и надѣляли ихъ землями. Поэтому малороссы стали вырѣзывать москалей, принудили Брюховецкаго измѣнить царю и призывали даже донцовъ къ себѣ съ Разинымъ. Между восточной Украйной и Москвой загорѣлась война. Брюховецкій былъ

Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ.

разбитъ и передался султану. То же сдѣлалъ тогда гетманъ западной Украйны и Сѣчи Дорошенко. Онъ выступилъ и противъ Польши и противъ Москвы, во главѣ турокъ и крымцевъ. Казаки убили Брюховецкаго и провозгласили своего любимца гетманомъ обѣихъ Украйнъ. Но москвичи разбили Дорошенко и обложили Азовъ. Дорошенко новымъ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ былъ сдѣланъ воеводой на сѣверѣ, гдѣ умеръ въ глубокой старости. Россія при Алексѣѣ Михайловичѣ, несмотря на всѣ смуты и неудачи, расширила свои границы не только на юго-западъ, но и далеко на востокъ и югъ. Царь помогалъ гребенскимъ казакамъ въ ихъ борьбѣ съ Шемахой и Торками. Замѣчательны были успѣхи русскихъ за Уральскимъ хребтомъ. Въ западной Сибири казаки побѣдили потомковъ Кучума; тогда же была открыта Восточная Сибирь. Въ 1648 г. служивый Дежневъ съ 25 товарищами пробрался къ Берингову проливу, а другой служивый Поярковъ (въ 1643—46 гг.) съ 133 товарищами открылъ рѣку Амуръ и Охотское море.

Потемкинъ, посолъ въ Испаніи.

При Алексѣѣ Михайловичѣ Россія вступила въ дипломатическія сношенія со всѣмъ Западомъ. Въ 1656 г. былъ отправленъ Чемодановъ въ Венецію изъ Архангельска; другихъ посылали просто для развѣдокъ во Францію, Испанію, Флоренцію и Римъ. Кромѣ Ордина-Нащокина, къ западникамъ принадлежалъ сынъ дьяка Артамонъ Матвѣевъ, который былъ своимъ человѣкомъ въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ и женился. Его каменныя палаты были на Руси образцомъ западнаго быта,

съ участіемъ въ жизни женщинъ, душой которыхъ являлась родственница хозяйки, Нарышкина, изъ рода рязанскихъ дворянъ. Третьимъ западникомъ былъ другъ царя—Ртищевъ—«правдивый и ласковый» человѣкъ, цѣнимый иностранцами за свой умъ и любовь къ просвѣщенію. Онъ устроилъ на свой счетъ Ученое Братство изъ 30 кіевскихъ монаховъ съ Славенецкимъ во главѣ и при немъ школу. Ртищевъ былъ связующимъ звеномъ между свѣтскими и духовными преобразователями.

Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ.

22 января 1671 г. въ Кремлѣ происходило торжественное празднованіе второй свадьбы Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, которой придворная интрига хотѣла поставить въ соперницы Бѣляеву, но у нея оказались «слишкомъ худыя руки». По описанію Рейтенфельса, Наталья Кирилловна «была блестящей молодости и красоты, стройная станомъ, съ челомъ возвышеннымъ и пріятною улыбкою на устахъ, плѣняла сладостною рѣчью и прелестью въ поступкахъ».

Черезъ 16 мѣсяцевъ послѣ этого брака родился Петръ Великій, въ четвергъ, 30 мая 1672 г. Будущаго великаго императора кормить грудью назначена была боярыня Неонила Ероѳѣевна Львова, старшею мамою — боярыня Леонтьева, а верховною боярыней — вдова княгиня Ульяна Голицына.

29 іюня въ трапезѣ церкви Алексѣя митрополита въ Чудовомъ монастырѣ совершонъ былъ обрядъ св. крещенія надъ новорожденнымъ. Царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, старшій его братъ, и тетка государя, царевна Ирина Михайловна были воспріемниками Петра отъ купели. Въ слѣдующій день въ Грановитой палатѣ былъ родильный столъ, а 4 іюля былъ крестильный столъ, при чемъ за этими обѣдами угощались 160 духовныхъ лицъ и 215 свѣтскихъ.

Въ началѣ января 1676 г. царь Алексѣй Михайловичъ почувствовалъ себя нездоровымъ, пріобщился 28 числа св. Таинъ, соборовался масломъ, позвалъ супругу, дѣтей и сестеръ и приказалъ патріарху Іоакиму, въ присутствіи высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, вручить державу царевичу Ѳеодору, котораго самъ благословилъ на царство крестомъ съ древомъ Господнимъ. На другой день Алексѣй Михайловичъ

Царица Наталья Кирилловна.

приказалъ освободить всѣхъ заключенныхъ, простить казенные долги и заплатить изъ казны за содержавшихся по частнымъ взысканіямъ. Въ семь съ половиною часовъ вечера, съ субботы на воскресенье, Алексѣй Михайловичъ почилъ на 47 году отъ рожденія и на 32 своего славнаго царствованія.

Историкъ Н. Устряловъ говоритъ, что Алексѣй Михайловичъ «для Россіи сдѣлалъ такъ много, что плоды его дѣяній не могли исчезнуть даже предъ безмѣрнымъ величіемъ сына его, водворившимъ совершенно новый порядокъ вещей».

Θеодоръ Алексѣевичъ.

Послѣ смерти старшаго сына Алексѣя Михайловича, Дмитрія († 1651 г.), наслѣдникомъ престола являлся царевичъ Алексѣй (род. 5 февраля 1654 г.). Это былъ замѣчательно рано развившійся ученикъ, однимъ изъ воспитателей котораго былъ Ртищевъ. Царевичъ Алексѣй десяти лѣтъ уже не интересовался игрушками, привезенными изъ Германіи. Онъ предпочиталъ чтеніе, почему въ его библіотекѣ грамматики, словари, книги по математикѣ и географіи, карты и глобусы лежали рядомъ съ русскими лѣтописями. По свидѣтельству иностранцевъ, 12 лѣтъ царевичъ Алексѣй будто бы владѣлъ превосходно латинскимъ языкомъ и сочинялъ стихи. Ставъ кандидатомъ на тронъ Польши, онъ на тринадцатомъ году произнесъ передъ польскими посланцами пространную рѣчь наполовину по-латыни, наполовину по-польски. Послѣ

кончины царевича Алексѣя, послѣдовавшей 1 сентября 1674 г., его младшій братъ Θеодоръ, 14 лѣтъ (родился 30 мая 1661 г.), былъ объявленъ наслѣдникомъ, а по кончинѣ своего отца, 29 января 1676 г., вступилъ на престолъ и короновался 18 іюня того же года.

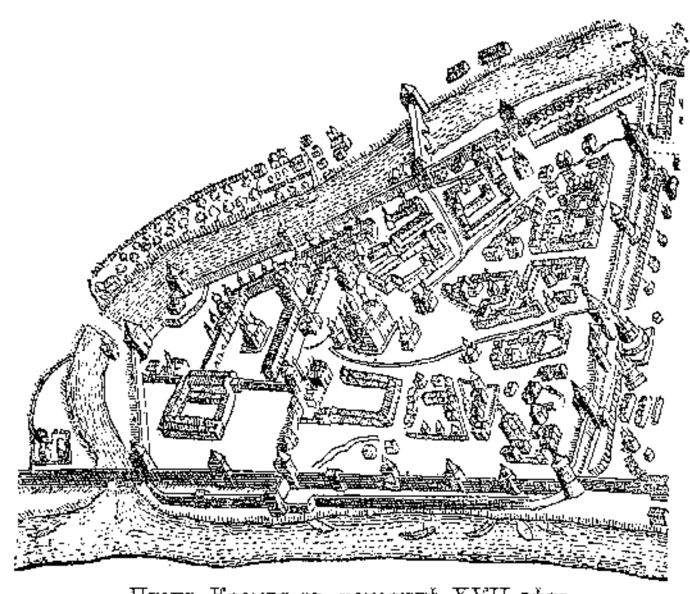
Будучи еще мальчикомъ, онъ былъ хилымъ и болѣзненнымъ. Воспитанный Симеономъ Полоцкимъ, онъ

Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ.

зналъ польскій и латинскій языки, слагалъ вирши и далъ просторъ кіевскому вліянію,—словомъ, это былъ по своему времени образованный человѣкъ, но онъ былъ постоянно боленъ, ходилъ, опираясь на палку, и, чтобы снять свою шапку, долженъ былъ просить помощи придворнаго. Новый царь, постоянно болѣя, легко подпалъ подъ вліяніе сестеръ и тетокъ, около которыхъ терлась родня первой жены Алексѣя Михайловича, Маріи Ильиничны — Милославскіе. Благодаря имъ, Матвѣевъ сперва былъ отстраненъ отъ управленія аптекарскимъ приказомъ, въ которомъ изготовля-

лись лѣкарства для царя, а затѣмъ за приверженность его къ западной наукѣ, онъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи, т.-е. колдовствѣ, и сосланъ въ глушь Сибири, въ г. Пустозерскъ, откуда писалъ оправдательныя письма, не забывая и бѣдную Наталью Кирилловну, не зная, что ея братъ Иванъ Нарышкинъ тоже былъ сосланъ, побывавъ предварительно въ застѣнкѣ.

Планъ Кремля въ половинѣ XVII вѣка.

Вліяніе Милославскихъ продолжалось недолго; на смѣну ихъ явились любимцы Ѳеодора Алексѣевича, люди образованные: постельничій Иванъ Максимовичъ Языковъ и стольникъ Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ, которые были полонофилами. Большое значеніе при царѣ имѣлъ также князь В. В. Голицынъ; съ нимъ очень часто приходилось считаться всемогущему Языкову. Благодаря содѣйствію названныхъ трехъ лицъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ вступилъ въ бракъ съ Агаѳьею Симеоновною Грушецкою, которая не отличалась красотою и была плохо воспитана своею теткою, женою думскаго дьяка Семена Заборовскаго, но черезъ нее

Гербъ Московскаго государства конца XVII вѣка.

временщики надѣялись вліять на царя въ пользу западничества.

Первая супруга царя скончалась 21 іюля 1681 г., родивъ сына Илью, который вскорѣ умеръ.

Второю женою Ѳеодора Алексѣевича была Марѳа Матвѣевна Апраксина, отецъ которой былъ убитъ калмыками и татарами въ 1668 г. Свадьба царя была отпразднована въ Москвѣ 15 февраля 1682 г., безъ всякихъ торжественныхъ церемоній, такъ какъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ избѣгалъ утомительныхъ своей обрядностью торжествъ, тягостныхъ также ради *«докуки»* вѣчныхъ челобитій. Два мѣсяца спустя, юная царица

овдовѣла, потомъ жила въ Петербургѣ, гдѣ скончалась 31 декабря 1715 г.

Въ первые годы царствованія Θеодора Алексѣевича правительство было всецѣло занято внѣшними дѣлами, — вмѣшательствомъ турокъ въ малороссійскія дѣла и безпорядками въ самой Малороссіи. Послѣ большихъ трудовъ въ 1681 г. удалось удержать за собою новоприсоединенный край.

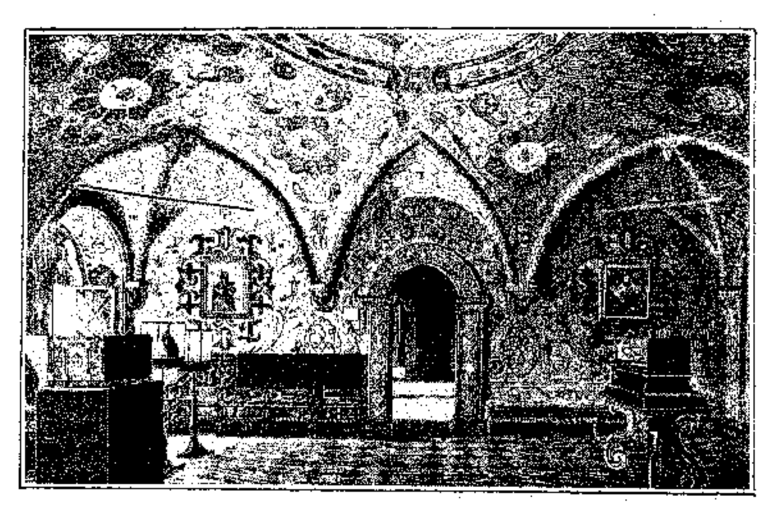
Царица Марθа Матвѣевна.

Въ 1678 г. тетка царя, Татьяна Михайловна, съ дѣтства питавшая глубокую привязанность къ сосланному патріарху Никону, заставила Θеодора Алексѣевича посѣтить основанный Никономъ Воскресенскій монастырь, послѣ чего царь Θеодоръ много разъ ѣздилъ туда и однажды предложилъ монастырю подать ему просьбу въ пользу его основателя, которому царь написалъ собственноручное письмо съ изъявленіемъ ему своего сочувствія. Позже архимандритъ монастыря св. Кирилла послалъ извѣщеніе о близкой смерти бывшаго

Кончина Никона на рѣкѣ Которосли близъ Ярославля.

патріарха, а архимандритъ Воскресенскаго монастыря передалъ царю Θеодору письмо, въ которомъ Никонъ прощался съ монахами основаннаго имъ монастыря. Прочтя письмо, царь Θеодоръ настолько разстроился, что патріархъ Іоакимъ счелъ долгомъ уступить ему, такъ какъ на обращеніе царя въ 1681 г. восточные патріархи отмѣнили приговоръ, произнесенный надъ Никономъ въ 1666 г. Спѣшно былъ снаряженъ и отправленъ дьякъ Иванъ Чепелевъ за Никономъ въ мо-

Гостиная въ теремномъ кремлевскомъ дворцѣ.

настырь св. Кирилла, чтобы перевезти его въ Воскресенскій монастырь. Никонъ на рѣкѣ Шекснѣ сѣлъ на барку, чтобы плыть вверхъ по Волгѣ, какъ уговаривалъ его Чепелевъ, но онъ спустился по Волгѣ до Ярославля и среди огромнаго стеченія народа, 16 августа 1681 г., присталъ къ монастырю Св. Дѣвы, близко отъ Ярославля. Чувствуя приближеніе смерти, Никонъ высадился на берегъ; его отнесли въ монастырь и тутъ на другой день онъ умеръ. Отложенный, вслѣдствіе болѣзни, приказъ о помилованіи, который хотѣлъ подписать Θеодоръ Алексѣевичъ, пришелъ поздно. Какую имѣлъ силу патріархъ Іоакимъ, лучшимъ тому доказа-

Симеонъ Полоцкій читаетъ привѣтствіе въ стихахъ Θеодору Алексѣевичу по поводу учрежденія славяно-греко-латинской академіи.

тельствомъ является его непріязнь къ бывшему духовнику царя Алексѣя Михайловича, отцу Андрею Савикову, котораго онъ лишилъ священства и заключилъ въ отдаленномъ монастырѣ.

Въ царствованіе Ѳеодора было уничтожено мѣстничество. Это замѣчательное событіе произошло въ концѣ 1681 г., когда въ Москвѣ были собраны двѣ комиссіи: одна изъ выборныхъ служилыхъ людей для обсужденія «устроенія и управленія ратнаго дѣла», а другая изъ выборныхъ отъ тяглыхъ людей для выработки системы податей. Обѣ комиссіи работали подъ руководствомъ князя Василія Васильевича Голицына, но онѣ не соединились въ соборъ ни разу и засѣдали въ разное время. Тяглая комиссія кончилась ничѣмъ, а служилая имѣла большое значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Выборные люди пришли къ рѣшенію подать царю челобитную объ уничтоженіи мѣстничества. Вслѣдствіе такой просьбы, Ѳеодоръ Алексѣевичъ созвалъ 12 января 1682 г. торжественное собраніе духовенства, Думы и выборныхъ придворныхъ чиновъ для обсужденія уничтоженія «мѣстъ». На вопросъ царя о мѣстничествѣ духовенству, патріархъ отвѣтилъ: *азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе.*

Бояре же и придворное дворянство сами просили уничтожить «мѣста»—«для того: въ прошлые годы во многихъ ратныхъ посольствахъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованіе, а между нами (служилыми) богопротивное дѣло—великія продолжительныя вражды». Получивъ такіе отвѣты, царь приказалъ сжечь разрядныя книги, въ которыхъ записывались мѣстническія дѣла; на что собраніе единодушно отвѣтило: «да погибнетъ въ огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь... во вѣки». Когда въ концѣ 1681 г. возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, дворяне составили проектъ раздѣла государства на крупныя историческія области, управленіе которыхъ ввѣрялось бы пожизненнымъ намѣстникамъ. Царь Ѳеодоръ далъ свое на это согласіе, но патріархъ раз-

рушилъ этотъ проектъ, указавъ какими опасностями онъ угрожаетъ государству.

Въ послѣдніе дни царствованія Θеодора Алексѣевича былъ составленъ проектъ высшаго училища, такъ называемой греко-латинской академіи, въ которой

Коридоръ въ теремахъ въ Кремлѣ.

должны были преподаваться: грамматика, піитика, риторика, діалектика и философія «разумительная», «естественная» и «правая». Учителя для академіи должны быть съ Востока, съ ручательствомъ патріарховъ. «Эта академія по проекту царя Θеодора,—говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ,—была бы крѣпостью, кото-

рую хотѣла для себя устроить православная Церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ». Она была учреждена послѣ смерти Θеодора, и первыми ея учителями были выписанные съ Востока ученые братья Іоанникій и Софроній Лихуды.

27 апрѣля 1682 г. умеръ царь Θеодоръ Алексѣевичъ, двадцати одного года отъ роду. Въ шесть съ небольшимъ лѣтъ его царствованія Кремль въ Москвѣ значительно украсился. На изображеніи Θеодора Алексѣевича при гробницѣ въ Архангельскомъ соборѣ имѣется слѣдующая надпись: «Многія церкви Божія пречудно многимъ благолѣпіемъ украси и наученіе свободныхъ мудростей россійскаго народа присно промышляша и монастырь Спасскій, иже во градѣ Китаѣ, на то ученіе опредѣли и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всякимъ опаснымъ вѣры охраненіемъ, на то ученіе написа; домы каменные на пребываніе убогихъ и нищихъ съ довольнымъ пропитаніемъ содѣла и оныхъ упокояше многія тысящи, царскихъ многолѣтнихъ долговъ народу отдаде и впредь дани облегчи, царскій свой домъ и грады Кремль и Китай преизрядно обнови».

Устроенные въ Кремлѣ на скатѣ горы, на сводахъ, красные набережные сады, царемъ еще Михаиломъ Θеодоровичемъ — верхній и нижній, были «обряжены» Θеодоромъ Алексѣевичемъ. Каменная стѣна съ арками-окнами огораживала ихъ съ набережной, а съ внутренней—рѣшетка. Въ 1681 г. былъ устроенъ здѣсь прудъ, выложенный свинцовыми плитами, въ который проведена была вода изъ водовводной кремлевской башни. При царѣ Θеодорѣ процвѣтало садоводство и цвѣтоводство; въ это же царствованіе въ Кремль были привезены впервые розы. Здѣсь росъ виноградъ и посѣяны были арбузы.

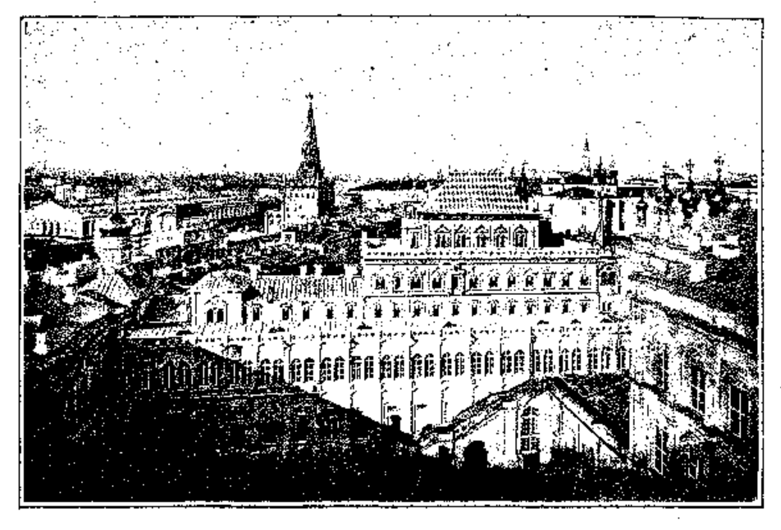
Когда вѣсть о кончинѣ царя Θеодора стала извѣстна въ Москвѣ, народъ повалилъ къ Кремлю. Вся площадь передъ Грановитой палатой была запружена народомъ. Скоро вышелъ изъ дворца дьякъ и громкимъ голосомъ объявилъ народу, что всѣ, кто желаетъ, могутъ дать усопшему царю послѣднее прощальное цѣлованіе. Сожалѣніе о молодомъ, добродушномъ и такъ рано умершемъ царѣ смѣшивалось съ опасеніемъ, — кто же те-

Кончина царя Θеодора Алексѣевича.

перь будетъ царствовать? Почившій царь не оставилъ на этотъ счетъ никакого завѣщанія. Многіе боялись, чтобы не произошло кровопролитія, а потому, отправляясь въ Кремль, надѣли подъ свои одежды панцыри и кольчуги.

Къ боярамъ собравшимся въ передней палатѣ Кремля вышелъ патріархъ Іоакимъ съ духовенствомъ. Благословивъ бояръ, онъ сказалъ: «Царь Ѳеодоръ

Современный видъ теремнаго дворца въ Кремлѣ.

Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство; чадъ по немъ не осталось, но остались братья его — царевичи Иванъ и Петръ Алексѣевичи. Изъ нихъ, двухъ братьевъ, кто будетъ наслѣдникомъ престола? Единый или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобы сказали истину по совѣсти, какъ передъ престоломъ Божіимъ, кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды!»

Бояре предложили передать этотъ важный вопросъ на рѣшеніе всего православнаго народа. Патріархъ, вмѣстѣ съ архіереями и боярами, вышелъ на верхнюю площадку Краснаго крыльца и велѣлъ собраться «лю-

дямъ всѣхъ чиновъ» на площадь передъ церковью Спаса. Когда всѣ собрались, патріархъ обратился къ народу: «Кому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ?» Единодушные крики провозгласили Петра Алексѣевича и хотя раздались отдѣльные возгласы «Ивану!» но были заглушены крикомъ сторонниковъ Петра. Царевна Софья выразила свое неудовольствіе на Петра за то, что онъ, не дождавшись окончанія обряда погребенія царя Ѳеодора, уѣхалъ изъ храма. И возвращаясь съ похоронъ кричала народу: «Знайте, православные, что братъ нашъ Ѳеодоръ отравленъ злыми людьми. Пожалѣйте насъ сирыхъ: у насъ нѣтъ ни батюшки ни матушки. Нашъ братъ Иванъ, старшій, а его не избрали царемъ». Подговоренные Милославскими стрѣльцы взбунтовались и провозгласили царемъ Іоанна Алексѣевича, а Софью—правительницей.

